

Знаете ли Вы,
какая звезда является самой яркой?
Социаль
С

Последнее обновление: 17.04.2010 / 09:01

Все проекты ЖЗ:

Новые поступления

Афиша

Авторы

Обозрения

О проекте

Опубликовано в журнале:

Поиск

«Слово\Word»
2006, №51

ФИЛОСОФИЯ

Владимир Кантор

От советского насилия - к постсоветскому

версия для печати (39008)

« « - » »

1. Идейная неразбериха

Со времени, когда у нас была объявлена "перестройка", пожалуй, больше всего звучали слова о возвращении в "европейский дом", в "цивилизованное пространство", о необходимости "цивилизованно решать все вопросы" и т. п. И как одно из препятствий подобному движению называлось отсутствие в национальной ментальности самой идеи правосознания как принципа общественной жизни. Принцип этот, конечно, как понимали и говорившие, вырабатывается веками, создать его за несколько лет невозможно. Тем не менее казалось возможным (как это случилось когда-то в Западной Европе) создать усилием "прогрессивных" и "просвещенных" государственных мужей предпосылки к такому состоянию дел. Для чего прежде всего необходимо озаботиться построением правового государства, которое гарантировало бы не только обязанности (как оно всегда в России было), но и, так сказать, "неотъемлемые права личности".

О правовом государстве теперь молчат, а ощущение у добропорядочного обывателя таково, что государство поделилось своими всегдашними правами с "новыми русскими", за плечами которых чаще всего уголовное прошлое. Даже «ходившие во власть» выходцы из профессорских кругов обвиняются в коррупции, да и в самом деле трудно иным образом объяснить их неожиданно нажитые состояния. Зато все обязанности государства по отношению к подданным, как кажется публицистам и выходящему на демонстрации народу, исчезли вовсе. Возникло то состояние, которое у нас последние годы именуют "криминальным беспределом", когда всяческие преступления (от убийств до экономических обманов) – практически безнаказанны.

Вину всю возлагают на нашу свеженькую «демократию», которая-де и породила произошедшую «криминальную революцию». Но насколько нынешняя власть может считаться демократической? Как правило, сомнений нет. Приведу самое осторожное высказывание современного политолога: «Демократия пришла к нам очень легко и просто, практически без настоящей борьбы за нее», когда вдруг «вся наша в громадной степени коррумпированная (она и складывалась в процессе коррупции) коммунистическая элита стала «демократической». <...> Впереди – задача превращения формальной демократии, являющейся прикрытием власти все той же бюрократической элиты, в демократию реальную»¹. Скепсис очевиден, и все же наше общество называется демократическим. Слова эти были написаны в конце 1992 года. Такая греда надежда, что мы в начале пути к подлинной демократии. А что сегодня?..

Сегодня окрепло убеждение, что демократия чужда нашему народу, что единственно возможное у нас общество – это общинно понятый коммунизм. Об этом, не устывая, твердил А. Зиновьев и следовавшая за ним интеллигенция, та, которая на протяжении всего советского периода противопоставляла «реальному социализму» идеальные схемы Маркса. Получается, что отказ от демократии – это спасение страны от насилия, коррупции, возвращение России к своей сути, которая благодатна, общинна и основана на коллективизме и взаимопомощи. И никакого насилия знать не знает.

Вектор идейных упований повернулся в другую сторону. Еще четыре года назад насилие казалось *причиной, мешающей* становлению либерально-демократического общества, *противостоящей* идее правосознания и цивилизации, *но присущей* сути национальной ментальности. Приведу отрывок из выступления С.А. Королева, участника "круглого стола" в журнале "Вопросы философии": "Почему столь часто в России осуществляется наихудший из возможных сценариев развития? Это легко констатировать, но не так легко объяснить. Вероятно, это связано с ролью насилия в российской истории. Чаще всего торжествовали те, кто не останавливался перед крайним насилием. Рефлектирующие либералы терпели поражение. При этом насилие получало социокультурную легитимацию, принималось массовым сознанием и даже выступало в известном ореоле. Возможно, это связано с самой логикой формирования единого геополитического пространства России, сшиваемого силой власти... Те, кого насилие пугает, выбывают из числа "делающих историю" в России... Исторический выбор без насилия, вне насилия у нас в России пока еще невозможен"². Сегодня основное обвинение нашей странной демократии в том, что она развязала насилие. И коммунисты обещают, что уж они-то, совпадая в своей ментальности с ментальностью народа, обойдутся без насилия.

Еще недавно средства массовой информации тоже уверяли, что уголовщина захлестнула политику, и выход нужно искать в "сильной руке", в авторитарном правлении. Газеты заполнялись известиями о заложниках, о заказных убийствах, о непрерывных мафиозных разборках. Но ослиные уши торчали: кто-то явно был заинтересован в испуге общества, чтобы как некая иллюзия возникла мечта о "светлом прошлом", когда общество было регулируемо и вроде бы не знало такого хаоса и уголовного беспредела. Коммунистический тоталитаризм с легкой руки Евгения Шварца не раз сравнивали с *драконом*. В своей пьесе он показал и (как понятно сегодня) предсказал психологию людей, которые боятся жить без власти дракона. Добрый архивариус поясняет рыцарю: «Единственный способ избавиться от драконов – это иметь своего собственного». Вроде бы, казалось многим, дракон большевизма повержен и издох, у нас теперь демократия. Но расплодилось множество мелких дракончиков, злодейская суть которых очевидна, ибо они не прикрывают свои действия словами о благе граждан. А потому вместо многих захотелось снова иметь одного, который озаботится уничтожением мелких соперников и снова объявит насилие благом.

И вот его призрак замаячил на горизонте. И сразу испугались коммунистического реванша – после августовского (1998) экономического кризиса. Газетчики вспомнили, что мафия мафией, насилие насилием, а магазины были полны, и уровень западноевропейской жизни мы ощутили. Россия вдруг почувствовала, что возвращается из пятилетней заграничной командировки, и интеллигенция стало грустно. Более того, она опять боится. Православно-коммунистический дух повсюду ощущается как внутренний и естественный возврат к ленинско-сталинскому состоянию страны.

Предчувствие возврата коммунистов у меня появилось, когда в 1992 г., получив премию и стипендию фонда Генриха Бёлля, я жил в доме Бёлля в Германии и наблюдал спокойную, разумно устроенную европейскую жизнь. И в июле того года я написал радиопьесе «Пистолет», сюжет которой очень прост. Герою помогает защитить диссертацию поощряющий молодые таланты профессор, про которого говорят, что он еще и полковник ГБ. Герой едет к нему на дачу, где профессор вовсе не стесняется своей второй, а может, основной профессией. И внезапно задает вопрос: «А кто перестройку эту готовил, как ты думаешь? Не знаешь? Ну и не надо тебе знать, кто твоим демократам советы дает. Когда надо будет – прекратят. Дискредитируют демократию – и каюк! Давай лучше радио слушаем». Он включает радио, и оттуда вдруг торжественный голос диктора: «Дорогие сограждане, братья и сестры! Группа изменников Родины, объявивших себя так называемыми демократами и приведших страну к национальному позору, арестована. Вся власть в руках православных патриотов своего Отечества. Границы перекрыты. Наши доблестные войска по просьбе лидеров пытавшихся отделиться республик восстанавливают народную власть. Наступил конец унижению. Вся компьютерная техника,

полученная от инофирм, национализирована и находится в надежных руках. Фермерам предложено сдать орудия производства в колхозы. Все граждане, посещавшие в этот период Запад, обязаны пройти регистрацию в районных отделениях госбезопасности. Объявлена всеобщая мобилизация. За уклонение – расстрел. Все партии, кроме руководящей, распущены. Президент подписал указ о возвращении к ленинским нормам партийной жизни. Телефоны и приемные госбезопасности работают круглосуточно. Просьба к гражданам сообщить о всех проявлениях недовольства. Далее, правда, выясняется, что старый гэбэшник пошутил, что не радио это, а магнитофонная запись... Пьеса была тогда же переведена на немецкий, а по-русски вышла только два года спустя («Нева», 1994. № 8), после неудачного коммунистического реванша 1993 года.

Здесь, однако, интересно, что выросший при коммунистическом режиме *автор перестройку воспринимал как гигантскую провокацию, затеянную компартией*. Зачем нужна была эта провокация? Это станет понятно, если мы задумаемся, почему в России так испугались гласного и открытого проявления насилия, когда преступник назывался преступником, а преступление – преступлением. Мы привыкли, что насилие в основе своей должно иметь какую-то важную цель, что оно не может быть просто так, особенно, если в насилии замешаны властные структуры. Это у воров – *просто так, ради наживы, а у власти так быть не должно*. Власть стала открыта критике, ее грабительская сущность обнажилась, и народ впал в шоковое состояние. Правители срочно стали искать национальную идею, чтобы прикрыть свой голый корыстный интерес. Новой идеи не нашлось, православие реанимировать не удалось, и наступающая на пятки президенту группа не наевшихся еще паразитов требует возврата к старому, проверенному коммунистическому камуфляжу (хотя, как и при Сталине, не скрывающему свиного рыла фашистского национализма). Им кажется, что победа близка, *ибо демократическая идея дискредитирована* в результате разлившейся по стране волны *открытых актов насилия* – грабежей, квартирных афер, заказных убийств, невыплат заработной платы бюджетникам (т.е. государственных грабежей).

2. Попытка типологии

Удивляться «криминальной революции» не стоит. Она рождена логикой нашей истории. Сегодня просто звучит новый вариант старой песенки (от правившего московскими боярами и назначавшего патриарха «тушинского вора» до большевистской идеи «социально близких», т.е. воров). Оценить сегодняшнюю ситуацию с насилием в нашей стране можно лишь в том случае, если за повседневным опытом, за эмпирическими фактами мы разглядим некие константы бытия, а главное – перейдем с уровня обыденного сознания на уровень историкофилософских размышлений. И прежде всего поймем, что вне насилия, помимо насилия не существует ни одно общество – начиная с первобытных и кончая самыми цивилизованными. Насилие, к сожалению, есть константа бытия человечества на земле. Его история началась с изгнания из рая, продолжилась братоубийством («восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его»). Быт. 4, 8), а если говорить о едином родстве всех людей, то братоубийство это длится и поныне. Это вполне ясно зафиксировано в Библии: «Земля растлилась пред лицом Божиим, и наполнилась земля злодеяниями» (Быт. 6, 11). Переходя же на уровень историософии, мы должны заметить, что в разных культурах и сообществах мы видим разные типы насилия. Чтобы понять специфику отечественного насилия, должно поместить ее в контекст некоей типологии. Мне уже приходилось о ней писать, но повторить в данном случае ее необходимо.

1. *Варварски-разрушительный, грабительский тип*, через который прошли все народы – исторические и неисторические. Незамысленное присутствие этого типа насилия ощущает каждая культура, вынужденная развиваться в постоянной борьбе с собственным прошлым.
2. *Разрушительно-созидательный, динамичный и продуктивный тип насилия*, постоянно преодолевающий сам себя путем договоров, правовых норм и структур, образующих костяк западноевропейской цивилизации. Способствует поискам самозащиты человека.
3. *Провокационно-охранительный тип насилия* предохраняет общество от развития, консервируя нормы и идеологию традиционного общества. Имитируя появление насилия, подавляет его сверхнасилием, чтоб отсечь выход из стагнации.

Возможны контаминации всех трех типов насилия, тем более что первый лежит в основе двух вторых. История постоянно ставит подобные примеры, иногда внутри одного временного отрезка и одной культуры. Но всегда можно вычленив определяющий тип. Для нашей истории характерен – с различными перерывами и отклонениями – третий тип отношений, я называю его *московским*, ибо окончательно сложился он в правление Ивана III и Ивана IV. Он то начинал преодолевать (петровско-пушкинский период), то вновь возникал. Особенно ярко и страшно он возродился при большевиках, достигнув кульминации в сталинизме. Проявлялся он и в других культурах (Византия, Османская империя, из близких по времени – гитлеровская Германия...).

3. Провокация как принцип государственного строительства

Но нас в данном случае интересует российская судьба. Московский тип отношений складывался под *активным воздействием насилия первого типа – варварского*. "Ломая кость, вытягивая жилы, // Московский строился престол" (М.Волошин. Китеж. 1919). Уже первые московские князья противостояли типу средневекового христианского князя-рыцаря. За исключением Дмитрия Донского, мы не находим святых среди московских князей. Напротив, как замечал Ключевский, «они являются зоркими наблюдателями того, что происходит вокруг них, внимательно высматривают, что лежит плохо, и прибирают это к рукам»³. Растет их сила и власть *с помощью варваров-завоевателей* – татаро-монгольского войска. *Провоцируя соседей на антитатарские выступления, московские князья руками татар беспощадно расправляются с соперниками, стараясь не оставлять их живыми*. Такова, скажем, ситуация, когда старший брат Ивана Калиты – Юрий, соперничая с благородным Михаилом Тверским, при помощи своего наперсника татарина Кавгады вызывает Михаила в ханскую ставку, а там Кавгадый – и обвинитель, и судья. Слуга Юрия Московского Романец умерщвляет Михаила, вырезав ему сердце, а Юрий оставляет изуродованное тело Михаила валяться обнаженным на земле. Даже Кавгадый устыдился и сказал Юрию: «Старший брат тебе вместо отца, чего же ты смотришь, что тело его брошено нагое?»⁴ Но московский князь отправил его в Москву, не позволяя завозить в церкви. Тверской князь был причислен к лику святых, но ярлык на великое княжение получила Москва.

Снова вернемся к поэтической летописи России у Волошина:

Усобицы кромали Русь ножами.

Скупые дети Калиты

Неправдами, насильем, праведжами

Ее собирали лоскуты.

В тиши ночей звездяных и морозных,

Как лютой крестовик-паук,

Москва пряла при Темных и при Грозных

Свой тесный безысходный круг.

М. Волошин. Китеж. («Неопалимая купина»)

Символ степного захватчика в русских былинах – Змей-Горыныч, иными словами, дракон. И вот этот дракон понемногу проникал в психологию каждого московского подданного. С татарами боролись хитростью, у них учились, им подражали. Наконец, в XX веке евразийцы назвали татаро-монгольское нашествие великим благом для России. Ведь татары и заботились о подданных, не уничтожали всех подряд, не желая терять дани. Вспомним опять Шварца и то, как герои его пьесы хвалят дракона: «Когда нашему городу грозила холера, он по просьбе городского врача дохнул своим огнем на озеро и вскипятил его. Весь город пил кипяченую воду и был спасен от эпидемии». Так длилось несколько столетий, пока не вырос собственный великий дракон – Великий Князь Московский, Иван Грозный, уже окончательно присвоивший себе титул, употреблявшийся раньше в России лишь по отношению к татарскому хану, – *царь*. Царь теперь пользуется любым поводом, порой сознательно провоцирует свои будущие жертвы, чтобы лишить подданных малейшей свободы. При нем окончательно устанавливается *московский тип* отношений.

Его суть – в выполнении обязанностей и полном отсутствии прав. На Московской Руси торжествует провокационно-охранительное насилие, *неправое, но легитимное*. Это означает, что насилие вершит законный государь, но вершит его «неправым судом». В стране создается обстановка провокации, которая способствует расцвету доносительства и взаимной опаски среди жителей. Сошлюсь на Костомарова: «Создавши опричнину, Иван вооружил русских людей одних против других, указал им путь искать милостей или спасения в гибели своих ближних, казнями за явно вымышленные преступления приучил к ложным доносам. <...> В минуты собственной опасности всякий человек естественно думает только о себе; но когда такие минуты для русских продолжались целые десятилетия, понятно, что должно было вырасти поколение своекорыстных и жестокосердых себялюбцев, у которых все помыслы, все стремления клонились только к собственной охране»⁵. Господствует звериный индивидуализм, превращаясь в свою противоположность, – *общинную охранительность, или коллективистское оборотничество*. То есть, все одинаково преданы царю и следят, чтобы никто не выделялся выше общего ранжира. Именно этого рода псевдообщинность пробудилась в сталинский период, именно к ней, в сущности, взывают наши коммунопатриоты, именно о ней как о сути российской ментальности твердят теоретики вроде А. Зиновьева, В. Межуева и др. Но помимо этого дьявольского коллективизма на Руси были личности, своим примером указывавшие возможность иного пути, – русские святые.

В этот период, однако, как фиксирует Г.П. Федотов, русская святость впадает в летаргию, что «говорит об омертвлении русской жизни, душа которой отлетела»⁶. Уставное благочестие, обрядовое исповедничество заменяют живое личное искание Бога, способствуя расцвету насилия: «Если для Грозного самое ревностное обрядовое благочестие совместимо с утонченной жестокостью (опричнина задумана как монашеский орден), то и вообще на Руси жестокость, разврат и чувственность легко уживаются с обрядовой строгостью. Те отрицательные стороны быта, в которых видели влияние татарщины, развиваются особенно с XVI века»⁷. Насилие, идущее сверху, от государства, влияло на народную ментальность, приучая народ к произволу. Совместными усилиями верхов и низов в России разразилась Смута, бывшая торжеством разбоя в общественной жизни страны и *следствием драконовских порядков* Ивана Грозного. По словам того же Костомарова, ужасные явления смутного времени были выступлением наружу испорченных соков, накопившихся в страшную эпоху Ивановых мучительств.

Святость, конечно, не замена правового строя, но любопытно, что она возрождается в постпетровский период⁸, когда усилием Великого Преобразователя Россия твердо вошла в Европу. *К несчастью, начиная с Николая I, русское правление пытается совместить два наследия – Ивана Грозного и Петра Великого*. Во имя общественной стабильности общество, как и при Иване, провоцируется на противоправительственные выступления, чтобы затем жесточайшими репрессиями загнать всех в казармы, добиваясь всеобщего послушания. Свой корыстный интерес самодержавие прикрывает созданной добротами идеологией «православия, самодержавия, народности». Петровское же наследие требовало продолжения реформ и демократизации жизни. В царствование Николая II эти две тенденции пришли в непримиримое противоречие. С одной стороны, общественная жизнь была пронизана провокацией и общественными преступлениями (террор, эксцессы, поджоги дворянских усадеб). Как написал в романе «Петербург» Андрей Белый, в воздухе витало одно слово, и это слово было – *провокация*. Но, с другой стороны, втянутое в систему европейских правовых отношений, государство уже не осмеливалось применить сверхнасилие для стагнации общественной жизни. Сочиненная в эпоху первого Николая идеология перестала работать, не соответствуя реалиям общественной жизни.

И режим утратил защитный слой. Вместо провокации, затеянной человеческим умом, Россия вступила в полосу *исторической провокации*, которая создается, говоря словами Пушкина, «силою вещей». Означала она одно: сумеет ли страна перейти к иному типу насилия – не государственно-легитимному, когда оно оправдано, а к насилию в пределах правового устроенного общества, то есть к демократическим принципам. Но трагический парадокс исторического развития заключался в том, что творившееся снизу революционное неправое насилие приобрело легитимный характер, ибо совершалось из высших, по сути, государственных, целей, во имя лучшего устройства народа. Самодержавию нечего было предъявить обществу, кроме своих личных интересов, которые уже не совпадали с общими интересами. Революционеры выступали во имя идеи. А по точному наблюдению Федора Степуна, пережившего две революции (большевистскую и нацистскую), в такой борьбе неминуема «победа мирозерцательного течения над интересократией»⁹. В результате этой исторической провокации не сумевшее демократически перестроиться российское самодержавие рухнуло, но и пришедшая демократия не нашла оправдывающих ее существование идей. За всеми поступками Временного правительства виделся голый интерес «верхних десяти тысяч собственников». К власти пришли большевики, сумевшие по старому московскому рецепту (недаром перевели правительство в Москву) применением сверхнасилия выйти из ситуации исторической провокации. Оправдание своему сверхнасилию перед миром и перед собственным народом они нашли, разумеется, не в личном интересе, а в высшей идее – богоборчестве: не только накормить народ, но дать ему новую идеологию. Как писал Степун, пусть большевики наплевали в лицо идеалу, но они поднялись на высший уровень, с которого можно было все оправдать. В стране устанавливается тоталитарный режим.

4. Быть может, главный секрет

О тоталитаризме написано много. Но, кажется, одно обстоятельство, о котором мне хочется сказать, находилось до сих пор в тени. Между тем, оно рассекречивает нам секрет этого явления.

Начну свое рассуждение с инвектив С. Говорухина, уверяющего, что у нас произошла в постперестроечный период "криминальная революция", в результате чего сложилось "уголовно-мафиозное государство". Понимая, что его могут спросить, какова же была природа сталинизма, Говорухин пытается теоретически разграничить напрашивающееся сопоставление: "Кое-кто скажет: а сталинское государство разве не было уголовно-мафиозным? Нет! Преступное государство и уголовно-мафиозное – не одно и то же. Власть Гитлера, безусловно, была преступной, но она не была уголовно-мафиозной"¹⁰. Можно было бы пренебречь этой не очень корректной манипуляцией с понятиями, если бы из подобного умозаключения не вытекало логически оправдание тоталитаризма. Ибо получается, что при тоталитарных режимах преступления совершались, но *не ради наживы, а во имя идеи*.

Что касается Гитлера, то здесь, пожалуй, достаточно свидетельства Бертольда Брехта. В пьесе "Карьера Артуро Уи" он представил гитлеризм как победу уголовно-мафиозной шайки, а весь нацизм – как криминальную систему, возведенную на государственный уровень. Стоит привести также и соображения одного из крупнейших русских философов XX в. – С.Л. Франка, пришедшего в результате наблюдения за советской и фашистской

системами к мысли, что крушение гуманизма "привело мир к господству умонастроения и практики жизни разбойничьей шайки, потопило на наших глазах мир в море крови и слез"¹¹.

Использование идеи достижения своих вполне практических, без идеального оформления, уголовно наказуемых целей и есть **секрет тоталитаризма**. Тоталитаризм, прикрываясь идеями, скрывает свою уголовную сущность, более того, приобретает как бы законные черты, социально-политическую легитимность. Этот новый тоталитарный мир ужаса и безумия начался с захвата власти в России большевиками.

Пожалуй, одна из самых страшных книг о российской судьбе (не менее страшная, чем "Архипелаг ГУЛАГ" А.И. Солженицина или "Колымские рассказы" В.Т. Шаламова) – это "Красный террор в России. 1918-1923" С.П. Мельгунова, русского социалиста и историка. Он собрал строго документальные свидетельства о зверствах, совершенных большевиками за первые пять лет их правления. Как показал Мельгунов, суть большевизма была не в провозглашенных идеях, а в практике. Разумеется, *белый террор* был тоже страшен, но, во-первых, он не оказался победоносным, и именно потому (и это во-вторых), что не прикрывал свои злодеяния *высшей идеей*.

Началось с *массовых* расстрелов – незаконных, без суда и следствия – так называемых заложников, многих тысяч абсолютно неповинных мужчин, женщин, подростков, стариков и детей, начиная с 6-ти – 8-и летнего возраста. Институт заложничества древний, но возник он во время войн: за спиной заложников родная страна, требующая и ждущая их освобождения. Большевики делают *заложниками соотечественников*, дух которых абсолютно сломлен тем обстоятельством, что они *захвачены своими*. Никогда до этого не было и массовых убийств заложников, если не считать гекатомб из рабов и пленных у варварских завоевателей.

В первые три года своего правления большевики создали "лагеря смерти": так они и назывались (скажем, холмогорский). Случайно уцелевшие в этих лагерях заключенные "были настоящие мертвецы, еле двигавшиеся и смотревшие на вас неподвижным, непонимающим взором"¹². В книге описаны многометровые желоба, наполненные кровью казненных; скальпирование; сдирание перчаток из кожи с кистей рук; сажание священника на кол; распятие; медленное поджаривание по частям в хлебных печах; выжигание на теле пятиугольных звезд; опускание в котлы с кипятком; обручи, при сдавливании дробившие черепа; обливание на морозе холодной водой или мочой, что превращало заключенных в ледяные статуи; отрубание или отрывание ушей, ноздрей, губ, половых органов; запаривание в ящике с разлагающимися трупами; убийства среди идущих в колоннах заключенных больных и ослабевших; насилия над женщинами, на глазах которых расстреливали мужей, заставляя обезумевших жен отмывать камеру от крови и мозгов убитых мужчин, а затем вынуждали сожительствовать с убийцами; сажание на раскаленную печь или сковороду; закапывание живых в землю (при раскопке врачи обнаруживали, что дыхательное горло жертв было забито землей – несчастные пытались дышать); разрывание тела колесами лебедек и т.п. и т.д.

Во имя чего это творилось? Каким словом назвать происходившее? Великий писатель Бунин это слово нашел: "**С какой меркой, кроме уголовной**, могут "подходить к революции" те священники, помещики, офицеры, дети, старики, черепа которых дробит победоносный демос"¹³ (выделено мной. – В.К.). И уже ясное ответ – кто делал и во имя чего. Социалист Мельгунов отводит обвинение от идеи, показывая *материальный интерес* сотрудников ВЧК. От вроде бы "мелочей": палачам доставалась "одежда расстрелянных и те золотые и пр. вещи, которые оставались у заключенных; они "выламывают у своих жертв золотые зубы", собирают "золотые кресты" и пр."¹⁴. До очень крупного и важного: образовался слой населения, который получил право не только на кровь, но и на сытную, волгогную жизнь. "В.Ч.К. в Москве, – пишет Мельгунов, – это своего рода государство в государстве. У нее целые кварталы реквизируемых домов – несколько десятков. Есть своя портняжная, прачечная, столовая, парикмахерская, сапожная, слесарная и пр. и пр. В подвалах и складах огромные запасы съестных продуктов, вин и других реквизируемых вещей, идущих на потребу служащих и часто не подвергающихся даже простому учету... В голодные дни каждый чекист имел привилегированный паек – сахар, масло, белая мука и пр. Каждый театр обязан присылать в В.Ч.К. даровые билеты и т.д."¹⁵. Нечто подобное мы читали о гестаповских бонзах, пировавших, когда простые немцы голодали. Хотя просматривается и национальное сходство – с опричниной Ивана Грозного, тоже бывшей государством в государстве.

Но самым любопытным и культурологически показательным было то, что новые руководители страны, чтобы сохранить свою власть и оправдать массовые убийства своих подданных, прибегли к *провокации*. "Начиная с дела английского консула в Москве Локкарта, который был приглашен по инициативе Петерса на заседание фиктивного "комитета белогвардейцев" (как то впоследствии признала сама "Правда"), *вся деятельность чекистского "аппарата" строилась на самой грубой провокации, которой давалась санкция свыше*"¹⁶ (курсив мой. – В.К.). Здесь явно сработал механизм культуры, воспроизводя еще *дореволюционный провокационно-охранительный принцип отношения государства к обществу*, принцип, укорененный в российской – татаро-московской и опричной – традиции.

5. Сорок лет уголовного террора (1917–1956)

Провокация, однако, приобрела несколько иной характер. Новых хозяев России сильнее всего страшила независимость мысли, ибо она предполагала, что человек способен увидеть *несоответствие между провозглашенной идеей и практическими действиями*. Идеологических оппонентов ленинцы не боялись. Те выступали *против идеи*, идея же была признана и апробирована мыслителями Европы. Но не случайна устойчивая нелюбовь вождей партии к писателю Достоевскому, ибо он выявил этот принцип несоответствия как суть грядущего бесовства.

Уже в "Преступлении и наказании" он показал, как высокие идейные запросы обернулись элементарной уголовщиной. Идея служила Раскольникову как самообман, чтоб скрыть от него самого низость его преступления. В "Бесах" эта тема развернута шире. Революционер Петр Верховенский, толкающий соучастников вроде бы на политическое деяние – на политическое убийство, превращает их тем самым в обыкновенных уголовных преступников, в носителей зла, в бесов. А сам о себе он со смешком говорит: "Я ведь мошенник, а не социалист, ха-ха!" И тут же поясняет, кого он вербует в российское "социалистическое" движение: "Школьники, убивающие мужика, чтоб испытать ощущение, наши. Присяжные, оправдывающие преступников, сплошь наши"¹⁷. Критерий подбора очевиден: уголовщина как приоритет. Эти речи его так откровенно провокационны, что беседующий с ним Ставрогин не выдерживает: "Слушайте, Верховенский, вы не из высшей полиции, а"¹⁸ Угадано все, вплоть до связей верхушки революционеров и с полицейской провокацией, и с уголовными элементами. И, наконец, в "Братьях Карамазовых" тема идеологии и преступления – центральная. Достоевский показывает, что идея для убийцы не более чем камуфляж: Смердяков *использует идею Ивана как прикрытие и оправдание* своего реального уголовного преступления.

В начале этого века российский социум пытался перестроиться, в связи с этим *шло разрушение устоявшихся моделей взаимоотношений и на поверхность вытолкали архетипы культуры, приглушенные было христианством, но еще не переработанные, не преобразованные в цивилизацию*. Эстетический нигилизм (как предвестие тоталитаризма) проявился в России не в меньшей степени, чем на модернизирующемся и вестернизирующемся далее Западе. Все гуманистические ценности были поставлены под сомнение. Цивилизация подверглась мощной атаке первобытных смыслов культуры¹⁹. И русские художники, "символисты" и "модернисты", начинают не только искать красоту в пороке и носителях зла, но и объявлять зло добром. Более чем за десять лет до «Скифов» Блока Брюсов и Бальмонт написали по стихотворению с тем же названием и с той же гордостью за свое варварство. Причем мотив грабительского, бандитского пафоса господствовал. «У коней развиваются челки // Мы опять летим на добычу» (В. Брюсов, 1900). Или: «Саранчой мы летим, саранчой на чужое нагрянем, // И бесстрашно насытим мы алчные души свои» (К. Бальмонт, 1904). Это был своеобразный бунт против нравственных норм и классических традиций.

Любопытно, что при этом многие клялись именем Достоевского, этот бунт угадавшего и проклявшего. Наиболее развернутое воплощение эта тенденция получила у "властителя дум" Леонида Андреева. В письме Вересаеву (апрель 1905 г.) он так резюмировал свои впечатления от первой

русской революции: «Гадаю надвое: либо победят революция и социалы, либо квашеная конституционная капуста. Если революция, то это будет нечто умопомрачительно-радостное, великое, небывалое, не только новая Россия, но и новая земля. Если кадеты, – то в Европе прибавится одной дрянной конституцией больше, новым рассадником мешан. Наступит история длинная и скучная. <...> Здесь, в Европе, я понял, что значит уважение к закону, болезнь ужасная, почти такая же, как уважение к собственности»²⁰. И так, новая земля – это земля не только вне закона и собственности, но и вне истории. А в романе Андреева "Сашка Жегулев" (1911) революционер, сошедший с уголовниками и разбойниками, изображен вполне иконописно, как ангел Божий. И "христианской" печалью овеяны слова писателя о своем герое, напоминающем ему Христа: "Печальный и нежный, любимый всеми за красоту лица и строгость помыслов, был <...> он похоронен вместе со злодеями и убийцами, участь которых добровольно разделил"²¹.

После такой *профанации подвига Христа* уже понятно блоковское приятие и оправдание "двенадцати" – разгулявшихся солдат-бандитов, простодушно понимающих социальный протест и революционную деятельность как месть и убийство. Застрелив несчастную гулящую Катюку ("Что, Катюка, рада? – Ни гу-гу... // Лежи ты, падала, на снегу!.."), провозглашают: "Революционный держите шаг! // Неугомонный не дремлет враг!" Символ русского грабежа – пожар – грозит распространиться на весь земной шар. Причем сами убийцы и разбойники вполне искренне призывают на свое дело Божью благодать:

Мы на горе всем буржуям

Мировой пожар раздуем,

Мировой пожар в крови –

Господи, благослови!

Блок побаивается своих героев, и все же они *под пером поэта оказываются двенадцатью апостолами, создателями нового мира*.

Этот мир и состоялся за семьдесят лет советской власти. В "Архипелаге ГУЛАГ" Солженицин показал, что, по существу, вся страна стала большим концентрационным лагерем, где правили преступники: уголовники бытовые и прикрытые политической идеологией. Характерна *проговорка Сталина*, назвавшего бандитов *социально близкими*. Эти «социально близкие» и верховодили в стране, осуществив лелеемую со времен Бакунина мечту, что русская революция будет оплодотворена разбойничьим началом. Так и произошло – правда, если сказать точнее, она была изнасилована. У Валерия Чалидзе есть замечательная книжка «Победитель коммунизма» (New-York., 1981), где он показывает, что Сталин совершил контрреволюцию не просто националистическую, но антикоммунистическую. Причины этого переворота, между тем, непонятны, если мы не примем в расчет, что уничтожались именно те, *кто верил в идею*. Пахану нужны были не люди с идеями, а способные к выполнению его указов шестерки. Но это получилось у него только потому, что *бандитское начало с первых дней Октября господствовало внутри самой революции*.

Перед Западом, однако, надо было выглядеть прилично. У Запада были деньги, которые всегда нужны бандитам. Открытая бойня первых лет революции прекращается, она приобретает характерную черту тоталитаризма – тайну. Строй назван строем *социалистической демократии*. На поверхности – вроде бы правовой подход, суды, хорошо инсценированные процессы, которым верили европейские гуманисты. Скажем, Фейхтвангер отверг как примитивное «предположение, что обвиняемые под пытками и под угрозой новых, еще худших пыток были вынуждены к признанию»²². Писателю это предположение казалось бульварной выдумкой, ибо степень и изощренность тоталитарного насилия еще не были осознаны. Хотя он увидел и культ личности «вождя всех народов», и то, что тот «обладает огромной работоспособностью и вникает сам в каждую мелочь»²³. Вождь и стал сам гениальным режиссером поставленных процессов-спектаклей, добившись того, что во время суда (по наблюдению Фейхтвангера, им самим не понятному) «судьи, прокурор, обвиняемые – и это не только казалось – были связаны между собой узами общей цели»²⁴. Ситуация страшная – как из кошмаров Кафки. Сталин, так сказать, формализовал и запротоколировал террор, как и подобало канцеляристу партии, ее генеральному секретарю. В этом он был близок своему двойнику Гитлеру, создавшему с немецкой тщательностью чудовищную "бухгалтерию смерти".

Существенно, однако, отметить, что все процессы строились по уголовному сценарию. Политические противники обвинялись во вполне уголовных преступлениях: поджогах, убийствах, диверсиях. Привыкшая к уголовщине власть просто не понимала, что политический протест и духовное противостояние имеют иную сущность. Как замечал Варлам Шаламов, "верх юридического совершенства сталинского времени – ... заключался в амальгамах, в склеивании двух преступлений – уголовного и политического... Найти и приписать уголовщину чистому политику – и было сутью "амальгамы"²⁵.

Политические оппоненты власти, именуемые "врагами народа", содержались в тюрьмах *вместе* с настоящими уголовниками. Уголовники верховодили в местах заключения, помыкая и заставляя себе прислуживать всех остальных, не входивших в криминальные структуры. Об этом писал академик Российской академии медицинских наук А.И. Воробьев: «Власть держала сторону уголовных, превращаемых в своеобразную аристократию лагерей и тюрем. *Сотрудничество с уголовниками* разлагало охрану, администрацию и *неотвратимо вело к краху системы правления с уголовным миром*»²⁶ (курсив мой. – В.К.). И понятно, что это сращение происходило не только в лагерях. Об уголовных связях и коррупции членов Политбюро – вплоть до семьи генсека написано немало. Существенно также отметить, что тоталитарно-уголовный паразитизм (когда внутренние силы народа, его самостоятельность не развивались, появление независимых личностей подавлялось) среди прочих бед привел страну к поражению в «холодной войне», а затем – «для поправки дел» - к бездарной афганской авантуре. Тут-то режим и осознал свой крах. И начал искать выход.

6. Имитация как преобразующая общество сила

Когда говорят о нашей демократии, что она, де, во всем виновата, то ничего кроме иронии это утверждение не вызывает. Когда же были у нас во власти убежденные и подлинные демократы? Может, страной руководил академик Сахаров?.. Приходится опять вспомнить «Дракона» Шварца, навевающего ассоциации из нашей политической жизни последнего десятилетия. Когда дракон был повержен рыцарем Ланцелотом, власть захватил служивший при драконе бургомистр, объявивший себя президентом вольного города и уверяющий горожан: «Рабство отошло в область преданий, и мы переродились». Но так ли это? Президент-бургомистр остался по сути таким же насильником, каким был дракон. Однако все горожане за него. И его бедная жертва, девушка Эльза, обращается к согражданам: «Я думала, что все вы только послушны дракону, как нож послушен разбойнику. А вы, друзья мои, тоже, оказывается, разбойники! <...> Неужели дракон не умер, а, как это бывало с ним часто, обратился в человека? Тогда превратился он на этот раз во множество людей, и вот они убивают меня».

Что же произошло на самом деле? На самом деле – попытка дракона сменить обличье. Прикрывавшая господство уголовников идеология разлезлась по швам, истлела, да к тому же номенклатура хотела жить спокойно, не опасаясь репрессий какого-нибудь нового пахана. Наворванное предыдущими поколениями партийцев добро позволяло жить более или менее спокойно. Хозяева страны уже были в возрасте, устали от тотального страха и постоянного ожидания гибели: думаю, фактор геронтократии в помятении режима сбрасывать со счетов не стоит. Убийства сотоварищей по партафни становятся редкими, а главное, тайными. Обществу больше не сообщается о расправах правящей верхушки. Даже выброшенные из

Политбюро не расстреливаются, а отправляются на пенсию. Облик коммунистической партии становится внешне более respectable (объятия и поцелуи с западными политическими деятелями). Ее верхушка хочет спокойно пользоваться присвоенным богатством.

Партноменклатура вывела себя из зоны обстрела, из зоны охоты на людей, а следом волей-неволей из этой зоны было выведено и остальное общество. Ибо партия теперь пронизывала все члены общественного тела как кровеносные сосуды. Массовый террор перестал быть необходимостью. Его заменило идеологическое принуждение. Это был следующий этап в принятии цивилизованных форм существования. Возникла и более сложная структурированность социума. Всеобщее образование – европейское по своим ценностям – способствовало появлению гигантского слоя советской интеллигенции, желавший принять цивилизацию как норму жизни. Как и прежняя российская интеллигенция, этот слой европеизировался, духовно преодолевая эмпирию российско-советского быта. Он-то и дал первых реальных критиков режима – правозащитников и диссидентов. Соблазна приликие перед цивилизованным миром, их уже не расстреливали. Хотя большинство арестовывали и "сажали", но наиболее заметных либо после нескольких лет увещаний и газетной травли, либо после нескольких лет заключения высылали на Запад (А.Солженицын, И.Бродский, В.Буковский, А.Зиновьев и др.).

Начиная с хрущевско-брежневского периода, в воздухе носилась идея о "социализме с человеческим лицом". Горбачев вроде бы осуществил ее, объявив о "перестройке". Похоже, что имитация свободы входила в замысел "перестройщиков", чтобы развязать себе руки для юридического оправдания раздела общегосударственной собственности, распределения ее между членами верхнего звена партийного клана. Хитроумный замысел партаппарата не учитывал, однако, весьма важного обстоятельства – загнанных до того времени в подполье национально-освободительных движений, заглушенной, но не замирившей борьбы провинций с центром. Провинция пренебрегла сложившимся ритуалом произнесения фраз без их реального воплощения и потребовала действительной свободы. На какой-то исторически важный момент их требования совпали с желанием республиканских партийных элит осуществить и "приватизацию власти", стать независимыми ханами в распадающемся большом советском улусе. И тогда центральная партноменклатура перестроечного режима прибегла к способу, классическому и не один раз испытанному в российской культуре – гигантской провокации насилия, чтобы, подавляя его сверхнасилием, подвить и возникший элемент свободы. Эти провокации прошли по всем равнившимся к самостоятельности республикам. Начиная с Сумгаита, по стране прокатились неслыханно жестокие бандитские погромы, жестокость которых акцентировалась в центральных газетах, словно бы зывая к отщению, к наведению порядка. И вот в Ереван входят танки. "Затикал механизм удушения народов... – так описывает события конца 80-х правозащитник Валерий Сендеров. – Перестройщики сочтут удачным ереванский эксперимент, единый почерк провокации (курсив мой. – В.К.) будет проступать все ясней – от Тбилиси до Вильнюса, от Риги до Баку... Потом будут появляться команды карателей из "Центра" – в свой черед (позже узнаем мы, что и команды посылались одни и те же)"²⁷. И все же Союз распался, поскольку не в интересах партноменклатуры было удерживать его целостность. Жестокости ей хватало, но идея целостности мешала идее частнособственнического присвоения. Страна, построенная по принципу войска, потерпела поражение, и партийные "военачальники", бросив ее, спасались кто как мог, набивая свои собственные карманы еще уцелевшим добром.

- 1) В этой ситуации неожиданную для аппарата силу проявила интеллигенция, громко выступившая с требованием демократически-правовых отношений. На гребне этого духовного противостояния потерявшему равновесие режиму явились так называемые реформаторы. После того как был сломлен августовский путч романтиков большевистского централизма (ГКЧП), новая власть объявила себя демократической, ориентированной на западноевропейские ценности. Перед верхушкой, как я уже говорил, давно стоял вопрос о собственной безопасности, освобождении от прямой зависимости личного преуспеяния с политическим положением во власти – иными словами, о превращении привилегий в деньги, а политического превосходства в экономическое. И социально-близкие (партийная и уголовная верхушка) оседлали демократическую революцию начала девяностых годов, как они делали и раньше – используя своих оппонентов. Не случайно шутка сатирика Михаила Задорнова, что у власти в нынешней России ЦК и ЗК. А потом, если применять господствующий в наших политических верхах блатной жаргон, демократия была опущена.
- 2) Партия с готовностью отказалась от надоевшей всем идеологии. Но не забудем предсказание, сделанное в 1927 г. наблюдательным европейцем Вальтером Беньямином: «Если и в Россию проникнет европейское соединение власти и денег, то коммунизм в России обречен, страна же и, возможно, даже партия – нет»²⁸.
- 3) И в самом деле, не надо ведь забывать, что в креслах "демократов" сидят прежние партийные чиновники, а стало быть, изменение фразеологии и приемов руководства не изменило ничуть цели их жизнеповедения. Суть его все та же – уголовная. Но вот идейное прикрытия ими осуществляется весьма слабо. Беззащитный грабег страны, осуществляемый, как говорят школьники, внаглую, бесит, ибо выталкивает большинство населения на черту бедности.
- 4) Надо, однако, сказать, что нынешняя имитация демократических институтов чревата неожиданными последствиями. Пусть лучше бывший чиновник-партократ корчит из себя демократа с «западным оттенком», чем «социалистического демократа» – непреклонного большевика, готового перешагнуть через горы трупов. Ведь имитация предполагает определенный тип поведения, определенные поступки, которые в свою очередь формируют духовное состояние общества, его ценности, его устремления.
- 5) Почему это происходит? Прежде всего потому, что тоталитаризм стал невыгоден. Да и невозможен в России. Научные усовершенствования и новые технологии способны решить проблемы, решаемые раньше рабским трудом. Отказаться же от научных новшеств – значит поставить страну в невыгодное военно-стратегическое положение. А дракон обычно живет со своими жертвами одной жизнью. Парадокс в том, что именно этой единой жизни со своим государством и не хватает населению, привыкшему быть самостоятельной частью целого. Опасность не в коммунистах, а в их электорате. Этот электорат не против насилия, но чтобы необходимость его диктовалась высшими соображениями государственного порядка. Как говорил у Шварца рыцарь Ланселот про жителей освобожденного им города: «В каждом из них придется убить дракона». Изменение типа насилия как первое приближение к обществу открытого типа.
- 6) Дракон все последние годы по-прежнему продолжал паразитировать на собственном народе. Невольно вспомнишь мистические интуиции Даниила Андреева (в «Розе мира»), что Россией правит мрачный Уицраор, пожирающий собственных подданных. Мое предчувствие 1992 г. о возврате коммунистических репрессий скорее всего было вызвано настроением, царившем между двумя путчами. Дракон был слишком умен, чтобы снова садиться в ту же, уже прохуdivшуюся лодку. Даже почти пришедшей к власти нынешней КПрФ не остается ничего другого, как имитировать, насколько у них получается, демократический стиль жизни. Их недавнее требование восстановить памятник Дзержинскому – явный прокол. Память еще свежа о миллионах трупов. Историческая провокация на сей раз завершается в России сравнительно мирным образом – ни у власти, ни у оппозиции нет новых глобальных идей.
- 7) Стало жить хуже или лучше? Не пытаюсь даже дать однозначный ответ, чтобы не встать в позицию всевидящего и всепонимающего судьи, можно сказать одно: произошли существенные социоструктурные изменения, которые, как и положено изменениям такого рода, создали новую конфигурацию действительности. Как показывают современные социологические исследования, из нашей жизни ушла идеологическая тотальность. То есть ни недавно господствовавшие партийно-коммунистические идеи, ни православие, которое государственная элита попыталась было сызнова превратить в "идеологию всего русского народа", не определяют отныне самой сути жизнеповедения российских жителей.
- 8) По крайней мере очевидна происходящая ныне делегитимизация насилия в посткоммунистической России. Бандитские отряды, хоть и недоступны бессильным правоохранительным органам, но незаконны. Они не являются частью официальной государственной машины. Насилие, по удачному выражению Карла Шпёгеля, приватизировано²⁹. Государственное насилие, когда каждый без вины мог оказаться арестованным, замученным, расстрелянным "органами правопорядка", нынче представляется обывателю ушедшим в прошлое. Это ощущение начало просыпаться уже со времен Брежнева, хотя дракон тоталитаризма сохранял тогда все старинные повадки. Сегодня он шевелит хвостом и лапами, в состоянии провоцировать насилие и пытаться управлять общественным сознанием, но даже крайне правые и крайне левые, ностальгически вздыхающие о могучем драконе прошлого, вынуждены публично выступать против массового тоталитарного террора.

9) Это, разумеется, не означает, что общество излечилось, что к прошлому нет возврата. Пример Чечни говорит о другом. Не вдаваясь в ее оценку, замечу лишь, что против войны в Афганистане публично выступил один академик Сахаров. Его шельмовали, травили, сослали в Горький. Против чеченской войны, называя ее преступной войной, криминальной войной, выступил позднее С.А. Ковалев, выступали газетчики, журналисты, теле- и радиокорреспонденты, даже некоторые военные и политики. И слабые попытки государственной пропаганды заткнуть им рот, успеха не имели. Не только о концлагерях, но по большей части даже об увольнении с работы не было и речи. И это безусловно говорит том, что насилие не только делегитимизировано, но и деидеологизировано. Оно стало явным. А такое изменение типа насилия означает первое приближение к обществу открытого типа.

10) Конечно, идет борьба за приоритеты, преобладание той или иной группки, за захват рынка (литературного или нефтяного – все равно), но за этими частными поползновениями мелких мерзавцев уже не углядишь большой идеологии, которая оправдывала бы большой террор тоталитаризма, о котором писали Гроссман, Шаламов, Солженицын. Общество такой идеологии не принимает. И это говорит о принципиально новом отношении к насилию, переходу к насилию другого типа – европейскому. Конечно, радости мало, насилие всегда насилие. Но, став делегитимизированным и деидеологизированным, оно рано или поздно возможно перестанет быть препятствием на пути к созданию более цивилизованных отношений.

11) Все прежние уголовно-паразитические замашки власти, основанные на идеологии драконовских порядков, будут способствовать еще большему разложению и хаосу. И тем более не смогут вывести страну из кризиса. Вместе с тем печальный вариант развития событий представляется тоже вполне реальным, ибо, издыхая сам, дракон, разумеется, постарается утащить за собой и страну, втянув ее в новую опустошительную войну, которая приведет если и не к глобальной катастрофе, то уж наверняка к окончательному распаду.

1. Фурман Д. *Наша странная революция*. М., 1998. С. 54.
2. *Риск исторического выбора (материалы "круглого стола") // Вопросы философии*. 1994. № 5. С. 20.
3. Ключевский В.О. *Соч. в 9-ти т. Т. II*. М., 1988. С. 13.
4. Соловьев С.М. *Соч. Книга II. История России с древнейших времен*. М., 1988. С. 216.
5. Костомаров Н.И. *Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей*. СПб., 1874. Вып. 3. С. 565.
6. Федотов Г.П. *Святые древней Руси*. Paris. 1985. С. 189.
7. Там же.
8. Ср. у Г.П. Федотова: «В бюрократической России, западнической по своей культуре, русская святость пробуждается от летаргии» (Там же. С. 234).
9. Степун Ф. *Письма из Германии (Национал-социалисты) // Современные записки*. Париж, 1931. Кн. 45. С. 458.
10. Говорухин С. *Великая криминальная революция*. С. 45.
11. Франк С. *Свет во тьме*. Париж, 1949. С. 59 (разрядка С. Франка).
12. Мельгунов С.П. *Красный террор в России. 1918-1923*. М., 1990. С. 127.
13. Бунин Иван. *Окаянные дни*. М., 1990. С. 162.
14. Мельгунов С.П. *Красный террор в России*. С. 141.
15. Там же. С. 177.
16. Там же. С. 180.
17. Достоевский Ф.М. *Полн. собр. соч. в 30-ти т. Т. 10*. Л., 1974. С. 324.
18. Там же. С. 300.
19. См.: Кантор Владимир. *Артистическая эпоха и ее последствия. По страницам Федора Степуна // Вопросы литературы*. 1997. № II.
20. Вересаев В.В. *Собр.соч. в 4-х т. Т.3*. М., 1985. С. 395.
21. Андреев Леонид. *Собр. соч. в 6-ти т. Т. 4*. М., 1994. С. 73.
22. Фейхтвангер Лион. «Москва 1937». Таллин. 1990. С. 77.
23. Там же. С. 51.
24. Там же. С. 83.
25. Шаламов В. *Несколько моих жизней. Проза. Поэзия. Эссе*. М., 1996. С. 289.
26. Воробьев А.И. *По обе стороны колючей проволоки. // Воля. Журнал узников тоталитарных систем*. 1993. № 1. С. 28.
27. Сендеров В. *Это – наша война*. М., 1993. С. 17.
28. Беньямин Вальтер. Москва. – В кн.: Беньямин Вальтер. *Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости*. М., 1996. С. 191.
29. Шлэгель К. *Новый порядок и насилие. // Вопросы философии*. 1995. № 5. С. 15.

в начало страницы

© 2001 Журнальный зал в РЖ, "Русский журнал" | Адрес для писем: zhz@russ.ru
По всем вопросам обращаться к [Татьяне Тихоновой](#) и [Сергею Костырко](#) | [О проекте](#)